На правах рукописи

Лю Юйси

ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ В РОССИЮ: ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Специальность 5.2.5. Мировая экономика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Москва – 2026

Диссертация выполнена на кафедре международных экономических отношений экономического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Научный руководитель: **Соколан Дарья Сергеевна,** кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений, заместитель декана по международной деятельности экономического факультета Федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Официальные оппоненты: **Авдокушин Евгений Федорович**, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Института социально-гуманитарного образования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет».

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН.

Швец Марина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета Федерального государственного автономного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Защита диссертации состоится 10 декабря 2026 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0600.001 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН) по адресу: 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, аудитория 347.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РУДН по адресу: 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите диссертации и текст автореферата размещены на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (https://vak.gisnauka.ru/) и на сайте РУДН: https://www.rudn.ru/science/dissovet.

Автореферат разослан 8 ноября 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 0600.001
доктор экономических наук, доцент Динец Д.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным ростом прямых зарубежных инвестиций Китая в последние годы и глубокой трансформацией глобального геополитического ландшафта, что привело к появлению всё более заметных различий между китайской инвестиционной моделью и традиционной западной моделью. В отличие от традиционной инвестиционной модели развитых стран, китайская инвестиционная модель характеризуется выраженной государственной стратегической направленностью. Мотивы китайской инвестиционной деятельности не ограничиваются максимизацией прибыли, а включают приобретение стратегических активов, содействие промышленной кооперации и достижение геополитических целей Китая. Понимание данной трансформации и реагирование на неё имеют важное теоретическое и практическое значение для осмысления тенденций эволюции глобальной инвестиционной конъюнктуры.

С момента официального запуска стратегии «Идти вовне» в 2001 году прямые зарубежные инвестиции Китая стремительно росли, и к 2012 году страна вошла в тройку мировых лидеров по осуществлению инвестиций за рубежом, сохраняя эту позицию на протяжении многих лет подряд. Китай превратился из нетто-импортёра капитала в одну из ведущих держав-экспортёров прямых инвестиций. В этом процессе Российская Федерация как крупнейший сосед Китая и партнёр по всеобъемлющему стратегическому взаимодействию приобретает всё более заметное значение в инвестиционной деятельности Китая за рубежом. Однако высокий уровень политического доверия на данный момент не способствует инвестиционному сотрудничеству сопоставимого масштаба. За 2007-2024 гг. доля России в годовом потоке китайских ПИИ ни разу не превышала 2,2%.

После 2022 года актуальность темы возросла: финансовые и технологические санкции Запада в отношении России коренным образом изменили логику и каналы проникновения китайского капитала на российский рынок. С одной стороны, уход западных компаний освободил большие рыночные ниши. Доля компаний с китайским участием в России среди вновь регистрируемых иностранных фирм увеличилась с 13% в 2021 году до 34% в 2024 году. С другой стороны, крупные гринфилд-проекты заметно замедлились. Китайские банки стали ограничивать операции с российскими контрагентами, китайские инвесторы стали выходить из стратегически значимых проектов в

России. Сегодня китайские инвесторы действуют под одновременным давлением внешних ограничений и внутренних институциональных барьеров.

В условиях новых геополитических реалий китайские инвесторы остро нуждаются в корректировке стратегий. В связи с этим системный анализ эволюции инвестиционной деятельности Китая в России, выявление ключевых вызовов и определение перспективных направлений инвестиционной деятельности обладают не только значительной академической ценностью, но и способны служить непосредственной опорой для принятия решений китайскими предприятиями при оптимизации инвестиционного позиционирования в России и минимизации потенциальных рисков.

Традиционные теории ПИИ, основанные на опыте развитых стран, исходят из предпосылки о максимизации прибыли. Однако китайские инвестиции в России характеризуются ведущей ролью государства, приобретением стратегических активов и геополитической обусловленностью, что не укладывается в рамки известных теорий. Всё это и обусловило выбор темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросами сущности, мотивов и теоретических основ реализации прямых иностранных инвестиций, а также классическими теориями международного движения капитала в разное время занимались такие зарубежные и отечественные исследователи, как: Акамацу К., Александер Г. Дж., Брейли Р., Бэйли Дж. В., Даннинг Дж., Кейнс Дж. М., Кузнецов А. В., Лукас Р. Э., Майерс С., Маршалл А., Массе П., Уильямсон О. И., Хикс Дж. Р., Шарп У. Ф.

Вопросами институциональной эволюции инвестиционной политики КНР, макроэкономического регулирования и продвижения китайского капитала на внешние рынки занимались: Гао Пэйюн, Котляров Н. Н., Линь Ифу, Лю Гогуан, Мозиас П. М., Новоселова Л. В., Портяков В. Я., Потапов М. А., Уянаев С. В., Чжан Цзюнь, Ши Сяохун.

Анализу современной инвестиционной деятельности Китая, трендам трансграничного движения капитала, а также специфике и перспективам китайских инвестиций непосредственно в экономику Российской Федерации посвящены работы таких авторов, как: Андронова И. В., Авдокушин Е.Ф., Волгина Н. А., Гусаков Н. П., Егорычева Е.А., Завьялова Е.Б., Зиядуллаев Н.С., Кай М., Карлусов В.В., Кузнецова Г. В., Луконин С.А., Маслов А. А., Михеев В.В., Потапов М.А., Петровский В. Е., Соколан Д. С., Хейфец Б.А., Швец М.С., Ши Ю и др.

Цель диссертационного исследования – на основе анализа эволюции, структурных особенностей и системных рисков китайских прямых инвестиций в России выявить проблемы и перспективные направления китайских инвестиций и разработать научно обоснованные рекомендации для усиления позиций инвестиционного присутствия Китая в России.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи:**

- систематизировать базовые теории прямых иностранных инвестиций, учитывая взгляды китайских экономистов;

- выделить этапы китайских инвестиций в России, выявив на каждом этапе ключевые особенности в объёмах инвестиций, отраслевой структуре и основных субъектах инвестирования;

- исследовать основные проблемы, с которыми сталкиваются китайские инвесторы в России;

- исследовать созданную Россией политико-правовую систему преференций для китайских инвесторов, рассматривая её на трёх уровнях: макроуровне (межправительственные соглашения), мезоуровне (региональная и отраслевая политика) и микроуровне (операционная поддержка);

- определить перспективы и возможные пути дальнейшего развития китайских прямых инвестиций в России;

- разработать научно-практические рекомендации для усиления позиций инвестиционного присутствия Китая в России.

Объект исследования – прямые иностранные инвестиции Китая в Российской Федерации.

Предмет исследования – эволюция инвестиционной политики Китая в России, основные препятствия и риски для китайских инвесторов, а также перспективные направления китайских инвестиций в РФ.

Область исследования соответствует требованиям следующих пунктов паспорта ВАК РФ для специальности 5.2.5. Мировая экономика: п. 8. «Международное движение капитала. Международные инвестиции» и п. 12. «Международный бизнес. Деятельность транснациональных компаний реального и финансового сектора».

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют научные труды китайских, российских и других зарубежных ученых, посвященных исследованию инвестиционной деятельности Китая за рубежом, а также анализу существующих барьеров для зарубежных инвесторов в России.

Методология исследования включает историко-логический метод для выявления этапов и движущих факторов китайских инвестиций в России; системный анализ для построения трёхуровневой аналитической рамки (макро-, мезо-, микро-); сравнительный анализ для сопоставления отраслевой структуры и поведения инвесторов на разных этапах; метод кейс-стади для углублённого изучения проектов Китая в РФ; а также статистический анализ данных Министерства коммерции КНР, UNCTAD и Центрального банка Российской Федерации.

Информационно-статистическая база исследования состоит из данных UNCTAD, World Bank, IMF, Евростата, The Heritage Foundation, AEI, Государственного управления иностранной валюты КНР (SAFE), Министерства коммерции КНР (MOFCOM), Государственного комитета по развитию и реформам КНР (NDRC), Центрального банка РФ, Росстата, а также правовых баз Garant и Consultant+. Политико-правовую основу составили межправительственные соглашения между Россией и Китаем, Федеральный закон РФ № 57-ФЗ, Закон о территориях опережающего развития, Закон о специальных инвестиционных контрактах, а также официальные программы КНР «Идти вовне», «Пояс, путь» и «Сделано в Китае 2025».

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на основе системного анализа инвестиционной деятельности Китая в России была **выявлена** двухколейная структура китайских инвестиций, а также **определены** механизмы реализации государственных стратегических и рыночных коммерческих инвестиций, **доказано** фактическое влияние санкций на китайских инвесторов, **выявлены** ключевые риски и проблемы китайских ПИИ в России, перспективные направления китайских прямых инвестиций в России. **Разработаны** научно-практические рекомендации по укреплению российско-китайского инвестиционного сотрудничества.

Наиболее существенные научные результаты исследования, отражающие его научную новизну, состоят в следующем:

1. **Уточнены** теоретические основы анализа китайских зарубежных инвестиций. Систематизированы взгляды китайских экономистов и сопоставлены с западными теориями ПИИ. **Показано,** что в отличие от западных концепций, ориентированных на частную собственность, ценовые механизмы и краткосрочную доходность, китайская инвестиционная теория трактует инвестиции как точку сопряжения государственной стратегии и рыночных механизмов. **Предложено** авторское определение прямых инвестиций для

Китая, учитывающее страновую специфику: это долгосрочные вложения капитала в реальные, финансовые и нематериальные активы, осуществляемые государственными, частными и смешанными субъектами внутри страны и за рубежом с целью максимизации прибыли и одновременно достижения стратегических целей национального развития.

2. **Выявлена** «двухколейная» структура китайских инвестиций в России. **Доказано,** что китайские инвестиции в Россию не являются однородным массивом, а состоят из двух сосуществующих типов: государственных стратегических инвестиций (первая колея) и рыночных коммерческих инвестиций (вторая колея). **Показано,** что первая колея реализуется крупными государственными предприятиями в стратегических отраслях (энергетике, атомной энергетике, трансграничной инфраструктуре) и отличается высокой стабильностью, будучи обеспеченной межправительственными соглашениями, вторая колея представлена частными предприятиями, работающими преимущественно в обрабатывающей промышленности и высокотехнологичном секторе, характеризуется высокой волатильностью и крайней чувствительностью к институциональной среде и геополитическим рискам. **Обосновано,** что между двумя «колеями» нет механизма передачи импульсов: политическая поддержка стратегических проектов не переходит автоматически в рост коммерческих вложений.

3. **Предложена** авторская периодизация китайских инвестиций в России с выделением трёх этапов, на каждом из которых сменялись ведущие отрасли, формы и субъекты инвестирования. **Выявлено,** что на первом этапе (2006-2014 гг.) происходила концентрация инвестиций в традиционных секторах российской экономики, прежде всего в энергетике (62,9% всех инвестиций), **определено,** что основными получателями китайских инвестиций стали нефтегазовые проекты, реализуемые при поддержке государственных компаний, таких как CNPC и Sinopec. **Показано,** что характерной особенностью второго этапа (2015-2021 г.) стала отраслевая диверсификация, появление полноцикловых производств (Great Wall Motor, Haier) и формирование платформенных цифровых экосистем (AliExpress Russia). **Доказана** структурная оптимизация и хеджирование рисков на фоне геополитической турбулентности на современном этапе (с 2022 г. по настоящее время). **Выявлено** замедление крупных гринфилд-проектов и концентрация инвестиций на малых и средних предприятиях, которые стремительными темпами заполняют рыночные ниши, освобождённые после ухода западных компаний.

Доказано, что смена этапов обусловлена геополитическими шоками 2014 и 2022 гг., **выявлено,** что китайские инвесторы не рассматривают Россию как единый рынок капитала, а постоянно адаптируют свои стратегии в зависимости от геополитической конъюнктуры и институциональной среды отдельных субъектов РФ.

4. **Выявлен** кумулятивный характер ограничений для прямых инвестиций КНР в РФ. **Обосновано,** что российские барьеры образуют трёхконтурную систему (санкционные, институциональные и технологические ограничения), элементы которой взаимно усиливают друг друга. **Доказано,** что угроза вторичных санкций ведёт к самоограничению китайских банков и компаний, что порождает проблемы сертификации и разрывы цепочек поставок. **Показано,** что стратегические сделки реализуются через механизм «индивидуального межгосударственного правового исключения» (Ключевское золоторудное месторождение), что раскрывает институциональную природу двухколейной структуры.

Показано, что угроза вторичных санкций действует через три канала: финансовый (самоограничение банков Китая), технологический (правила экспортного контроля США FDPR и de minimis) и производственный («парадокс локализации»). **Выявлено,** что правило «иностранного готового продукта» (FDPR) подрывает материальную основу высокотехнологичных инвестиций в РФ. **Доказано,** что китайские инвестиции сталкиваются с «парадоксом локализации», при котором вынужденное замещение западных компонентов повышает издержки и снижает технологический уровень производства. **Выявлено,** что несмотря на тесные политические связи одновременно происходит затруднение коммерческого сотрудничества в связи с «эффектом ожидаемого сдерживания» – ещё не принятые американские законы уже влияют на инвестиционные решения.

5. На основе исследования российской системы правовых и политических стимулов для китайских инвесторов **показано,** что наибольший эффект имеют межправительственные договорённости. **Обосновано,** что основную ценность этих инструментов составляют не налоговые льготы, а юридическое закрепление обязательств государства и снижение неопределённости для инвестора. На примере сделки по Ключевскому месторождению **выявлено** расхождение между договорённостями на межгосударственном уровне и их исполнением на местах. **Установлено,** что эти инструменты снижают внутренние институциональные риски, но не защищают от экстерриториальных санкций.

6. **Обоснована** отраслево-селективная модель перспектив китайских ПИИ в РФ. Предложены критерии разграничения отраслей: степень зависимости от американских технологий и долларовых расчётов, уход западных конкурентов и дефицит локальных мощностей. Выделены отрасли «окна возможностей»: тяжёлое, горное и сельскохозяйственное машиностроение, атомное и нефтегазовое оборудование. **Показано,** что наиболее санкционно-устойчивой формой сотрудничества является модель замкнутого параллельного производственного цикла, сложившаяся в атомной отрасли. **Предложен** комплекс научно-обоснованных рекомендаций для её тиражирования: использование специальных инвестиционных контрактов (СПИК) как обязательное условие крупных проектов, фонд «долгосрочного капитала», единый контур «страхование – финансирование – расчёты» и участие в разработке стандартов.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятия прямых иностранных инвестиций, выявлении «двухколейной» структуры китайских инвестиций в России, что вносит вклад в развитие теории ПИИ применительно к инвестициям из развивающихся стран; расширении аналитической рамки за счёт включения геополитических рисков и вторичных санкций; а также переосмыслении понятия «институциональных преференций», где предсказуемость институциональной среды имеет большую стратегическую ценность, чем краткосрочные налоговые льготы. Данная работа может служить теоретической основой для дальнейших исследований инвестиционной политики Китая в России.

Практическая значимость исследования. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы: российскими министерствами и ведомствами при разработке программ по привлечению иностранных инвестиций; китайскими предприятиями для оптимизации инвестиционных стратегий в России и разграничения коммерческих и политических рисков; а также для обеспечения академической поддержки при разработке политики Китаем в области торгово-экономического сотрудничества с Россией.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены на международных научных конференциях: «Актуальные проблемы глобальной экономики» в 2025 гг., организованной РУДН, «Экономика XXI века: глобализация и регионализация» в 2025 гг., организованной РУДН; Теоретические и практические аспекты формирования и развития «новой

науки», организованной Агентством международных исследований; LXXVII Международная научно-практическая конференция «EurasiaScience», организованная научно-издательским центром «Актуальность.РФ».

Публикация по теме исследования. Результаты диссертационного исследования были отражены в 4 научных публикациях общим объемом 2,88 п.л., в том числе 1 статья была опубликована в журнале, индексируемом в научной базе SCOPUS, 3 статьи в научных изданиях из Перечня ВАК РФ.

Структура работы. Основной текст диссертационной работы включает введение, три главы и заключение. Список литературы содержит 228 наименований на русском, английском и китайском языках. Диссертационное исследование содержит 15 таблиц, 8 рисунков, общий объем работы составляет 203 страницы.

II. СТРУКТУРА РАБОТЫ

ВВЕДЕНИЕ
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
1.1. Теоретические подходы западных и китайских учёных к развитию инвестиционной деятельности
1.2. Эволюция инвестиционной деятельности Китая
1.3. Место России в инвестиционной деятельности Китая
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЯ В РОССИИ
2.1. Начальный этап китайских прямых иностранных инвестиций в России
2.2. Этап расширения и диверсификации китайских прямых иностранных инвестиций в России: особенности и ключевые характеристики
2.3. Трансформация китайского инвестиционного присутствия в России на современном этапе
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЯМЫХ КИТАЙСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В РФ
3.1. Проблемы прямых китайских инвестиций в РФ
3.1.1. Геополитические риски и риски вторичных санкций
3.1.2. Российская бизнес-среда и институциональные условия
3.1.3. Технологический отрыв: от барьеров, связанных со стандартами, к разрыву в передаче знаний
3.2. Перспективы китайских ПИИ в РФ: политико-правовая система преференций для китайских инвесторов
3.2.1. Договорно-правовая база и механизмы стратегического доверия на макроуровне
3.2.2. Инструменты регионального развития и отраслевые преференции на мезоуровне
3.2.3. Операционная поддержка и способы снижения некоммерческих рисков на микроуровне
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

III. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ

1. Уточнены теоретические основы анализа китайских зарубежных инвестиций, систематизированы взгляды китайских экономистов в сопоставлении с западными теориями ПИИ и предложено авторское определение прямых инвестиций, учитывающее страновую специфику Китая.

Классические западные трактовки инвестиций – от А. Маршалла и Дж. М. Кейнса до У. Шарпа, Дж. Хикса и О. Уильямсона – сложились на опыте развитых рыночных экономик и рассматривают капиталовложения прежде всего как способ получения будущего дохода, компенсирующего риск, и исходят из приоритета частной собственности и рыночной доходности. Такая логика не объясняет в полной мере поведение китайских инвесторов, для которых участие государства и стратегическая направленность вложений являются системообразующими факторами. Традиционные теории ПИИ, представленные в работах Д. Даннинга, П. Кругмана, К. Акамацу, также в полной мере не могут объяснить мотивов инвестиционной деятельности Китая на современном этапе.

Китайская экономическая мысль выработала собственное понимание инвестиций как точки сопряжения государственной стратегии и рыночных механизмов. В работах Лю Гогуана, Чжан Цзюня, Гао Пэйюна инвестиции рассматриваются как инструмент структурной модернизации промышленности, регионального развития и обеспечения национальной безопасности. Зарубежную экспансию китайских компаний объясняют теория получения стратегических активов, теория новой структурной экономики Линь Ифу [1], теория «трамплина» Я. Ло [2] и концепция институциональной поддержки инвестиций в рамках инициативы «Пояс, путь». Их общая идея – китайские ПИИ направлены на восполнение недостающих преимуществ: технологий, брендов, компетенций и доступа к ресурсам.

Обобщение западных и китайских подходов позволило предложить следующее определение: прямые инвестиции – это долгосрочные вложения капитала в реальные, финансовые и нематериальные активы, осуществляемые государственными, частными и смешанными субъектами внутри страны и за рубежом с целью максимизации прибыли и одновременно достижения

[1] Линь Ифу. Новая структурная экономика: структуралистский подход к переосмыслению развития и официальной политики / Линь Ифу ; пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – С. 45.
[2] Luo Y., Tung R. L. International expansion of emerging market enterprises: A springboard perspective // Journal of International Business Studies. – 2007. – Vol. 38, No. 4. – P. 482.

стратегических целей национального развития (структурной модернизации экономики, формирования собственного технологического потенциала, сбалансированного регионального развития, обеспечения экономической безопасности и укрепления позиций страны в глобальных цепочках создания стоимости), реализуемые через сочетание рыночных механизмов и государственной стратегической координации.

Эволюция зарубежной инвестиционной деятельности КНР прошла четыре этапа (табл. 1). Таблица показывает, что исходящие инвестиции из вспомогательного инструмента внешней торговли превратились в самостоятельное направление государственной стратегии: к 2015 г. Китай стал нетто-экспортёром капитала[3], в 2016 г. поток его ПИИ достиг рекордных 196,15 млрд долл., а в 2024 г. составил 192,2 млрд долл. (11,9% мирового) при накопленном объёме 3,14 трлн долл. и третьем месте в мире.

Таблица 1.

Этапы инвестиционной деятельности Китая за рубежом

Этап	Период	Содержание
I	Конец 1970-х – начало 1990-х гг.	Реформы, политика открытости, привлечение иностранного капитала; зарубежные инвестиции обслуживают внешнюю торговлю
II	1990-е – начало 2000-х гг.	Формирование политики исходящих инвестиций, провозглашение стратегии «Идти вовне» (2000 г.)
III	Середина 2000-х – 2016 г.	Превращение Китая в нетто-экспортёра капитала, масштабная реализация «Идти вовне», запуск инициативы «Пояс, путь» (2013 г.)
IV	С 2017 г. – настоящее время	Регулирование внешних инвестиций, стратегическая оптимизация, приоритет высокотехнологичных отраслей («Сделано в Китае 2025»)

Источник: составлено автором

С 2017 г. зарубежные инвестиции Китая регулируются Постановлением Госсовета КНР № 74, разделившим проекты на поощряемые, ограничиваемые и запрещённые (табл. 2). Из таблицы 2 следует, что Китай поощряет вложения в инфраструктуру, высокие технологии, энергоресурсы и сельское хозяйство и ограничивает спекулятивные вложения в недвижимость и индустрию развлечений. Однако именно поощряемые Пекином отрасли в России относятся к сферам с наиболее жёсткими ограничениями для иностранного капитала, что изначально повышает значение межправительственных договорённостей.

[3] China becomes net capital exporter: report // People's Daily: официальное информационное агентство. – 2016. – 24 Nov. – Режим доступа: http://en.people.cn/n3/2016/1124/c90000-9146521.html

Таблица 2.

Отрасли зарубежных инвестиций Китая по категориям регулирования

Категория	Отрасли и виды деятельности
Поощряемые	Инфраструктура «Пояса, пути», высокие технологии, НИОКР, сельское хозяйство, энергоресурсы
Ограничиваемые	Недвижимость, отели, кинотеатры, спортивные клубы, инвестиционные платформы без реальных проектов
Запрещённые	Игорный бизнес, индустрия развлечений для взрослых, военные технологии без одобрения, экспорт запрещённых технологий

Источник: составлено автором по данным Уведомления Госсовета КНР № 74 от 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ndrc.gov.cn/

Структура китайских зарубежных инвестиций складывается из трёх составляющих: капитала институционального арбитража, эффективностно-ориентированного промышленного капитала и капитала стратегического приобретения. Доля стран Азии в потоках китайских ПИИ выросла с 60,9% в 2011 г. до 80% в 2024 г. [4] Однако эти данные во многом отражают институциональный арбитраж: на Гонконг, Каймановы и Британские Виргинские острова приходится от 65 до 85% годовых потоков. Реальные производственные инвестиции направляются в Юго-Восточную Азию (10-20% потоков), развитые экономики (Европа, Северная Америка) и ресурсные страны, к последним относится и Россия, где ресурсная взаимодополняемость переплетена с межгосударственным стратегическим взаимодействием.

2. Выявлена «двухколейная» структура китайских прямых инвестиций в России: государственные стратегические инвестиции (первая колея) и рыночные коммерческие инвестиции (вторая колея) различаются по субъектам, отраслям, источникам устойчивости и реакции на внешние шоки, а между колеями отсутствует механизм передачи импульсов.

Положение России в китайской инвестиционной деятельности противоречиво. За 2011-2024 гг. место России среди стран-получателей колебалось от 6-го (2015 г.) до последнего, 25-го (2021 г.), а в 2019 и 2021 гг. потоки были отрицательными (-0,38 и -1,07 млрд долл.). Вместе с тем накопленный объём с 2015 г. ни разу не опускался ниже 10,6 млрд долл., а в 2024 г. достиг 15,75 млрд долл. при рекордном годовом потоке 4,27 млрд долл. и 7-м месте России в рейтинге получателей.

Сопоставление с общей динамикой китайских ПИИ (рис. 1) выявляет несинхронность двух рядов. Мировой поток вырос с 26,5 млрд долл. в 2007 г. до

[4] Национальное бюро статистики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/

пика 196,1 млрд долл. в 2016 г., после ужесточения контроля за «нерациональными» вложениями снизился до 136,9 млрд долл. в 2019 г. и восстановился до 192,2 млрд долл. в 2024 г. Поток в Россию, напротив, вырос в 2016-2017 гг. с 1,29 до 1,55 млрд долл., когда мировой поток сократился со 196 до 158 млрд долл., что объясняется продолжением финансирования проекта «Сила Сибири» (контракт CNPC и «Газпрома» 2014 г. на 30 лет стоимостью около 400 млрд долл.)[5].

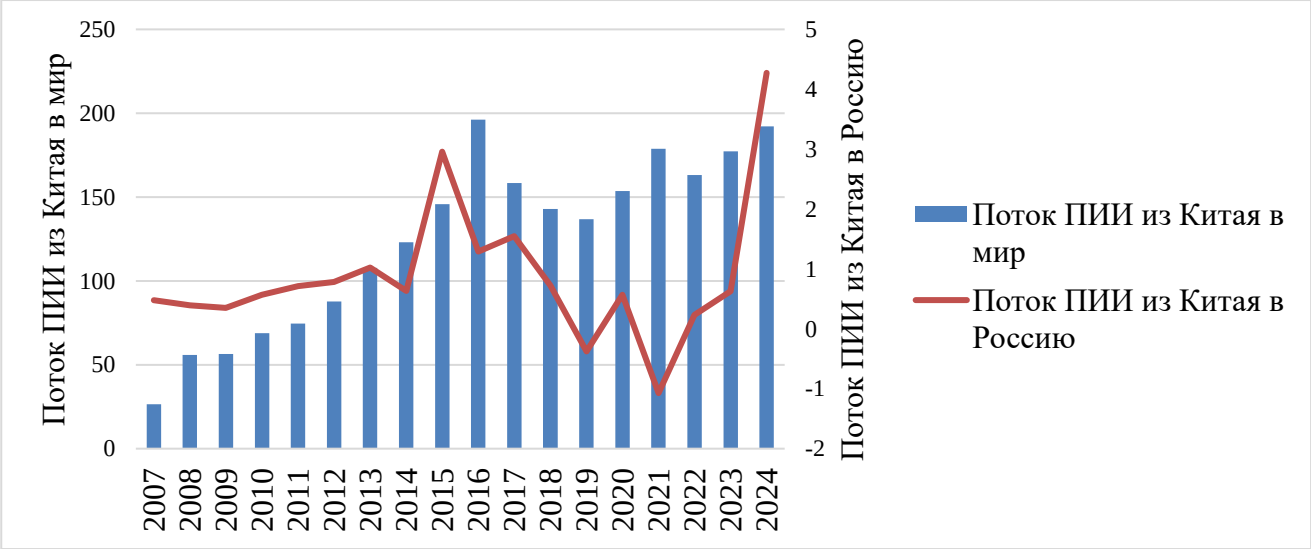


Рис. 1. Динамика потоков прямых инвестиций из Китая в мир и в Россию в 2007–2024 гг., млрд долл.
Источник: составлено автором по данным Национального бюро статистики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/

Доля России в годовых потоках китайских ПИИ за 2007-2024 гг. превышала 2% лишь дважды – в 2015 г. (2,03%) и в 2024 г. (2,2%); в остальные годы, кроме 2007 г. (1,8%), она не превышала 1%, а в 2019 и 2021 гг. была отрицательной (-0,28 и -0,6%). Оба пика пришлись на периоды после геополитических кризисов 2014 и 2022 гг., что подтверждает связь китайских инвестиций в Россию не с рыночной конъюнктурой, а с политическими решениями.

Накопленные инвестиции (рис. 2) раскрывают ту же закономерность: мировой объём накопленных китайских ПИИ вырос с 184 млрд долл. в 2008 г. до 3,14 трлн долл. в 2024 г., т.е. в 17 раз, тогда как в России – с 1,84 до 15,75 млрд долл., в 8,5 раз, причём в 2016-2023 гг. российский показатель снизился с 12,98

[5] Kardaś S. Agreement between Gazprom and CNPC on Russian natural gas supplies to China via the eastern route // OSW Commentary. – 2014. – No. 137. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://osw.waw.pl

до 10,67 млрд долл. В результате доля России в глобальном портфеле сократилась с 1,3% в 2015 г. до 0,36% в 2023 г. и лишь в 2024 г. выросла до 0,5%.



Рис. 2. Накопленные прямые инвестиции Китая в мире и в России в 2008-2024 гг., млрд долл.

Источник: составлено автором по данным Национального бюро статистики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stats.gov.cn/sj/

Сочетание стабильного накопленного объёма с неустойчивыми потоками объясняется неоднородностью китайского капитала. Первая колея – государственные стратегические инвестиции в энергетику, атомную отрасль и инфраструктуру – удерживает накопленный объём выше 10 млрд долл. Вторая колея – рыночные инвестиции частных компаний – подчиняется логике «риск – доходность»: её сжатие в 2019-2023 гг. нивелировало прирост по стратегическим проектам, а скачок 2024 г. (+47,6%) также обеспечен прежде всего первой колеёй. Различия двух колей обобщены в таблице 3. Они касаются не только субъектов и отраслей, но и природы гарантий: если первая колея опирается на межгосударственные договорённости сроком 20-30 лет, то вторая – на коммерческие контракты и отдельные инструменты вроде СПИК, что и определяет её высокую чувствительность к внешним шокам.

Таблица 3.

Сравнительная характеристика двух «колей» китайских ПИИ в России

Признак	Первая колея: государственные стратегические инвестиции	Вторая колея: рыночные коммерческие инвестиции
Основные субъекты	Госкорпорации и банки развития КНР (CNPC, Sinopec, State Grid, CNNC, Госбанк развития Китая, CIC)	Частные компании и МСП (Great Wall Motor, Haier, Alibaba, аграрные и торговые компании)
Отрасли	Нефть и газ, атомная энергетика, электроэнергетика, трансграничная и платёжная инфраструктура	Обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, торговля, электронная коммерция, услуги
Ведущий мотив	Энергетическая и ресурсная безопасность, геостратегические цели	Доступ к рынку, прибыль, заполнение рыночных ниш
Гарантии	Межправительственные соглашения, контракты на 20-30 лет	Коммерческие контракты, отдельные инструменты (СПИК, ТОР)
Реакция на шоки	Устойчивость, низкая ликвидность вложений	Высокая волатильность, быстрый выход при росте рисков
Роль в динамике	Стабильность накопленного объёма	Колебания годовых потоков

Источник: составлено автором

Ключевой вывод состоит в том, что между колеями нет эффективной взаимосвязи. Масштабные межгосударственные проекты сами по себе не порождают устойчивого притока частного капитала, который при росте рисков быстро сворачивается, тогда как государственные вложения сохраняются.

3. Предложена авторская периодизация китайских прямых инвестиций в России (2006-2014 гг., 2015-2021 гг., с 2022 г.); установлено, что рубежи этапов определены геополитическими шоками 2014 и 2022 гг., а на каждом этапе менялись ведущие отрасли, формы и субъекты инвестирования, крупнейшие сделки и соотношение двух колей.

Первый этап (2006-2014 гг.) – освоение российского рынка на фоне углубления политического взаимодействия. За этот период Китай реализовал в России более 25 крупных проектов и сделок общим объёмом около 21,2 млрд долл. Как показывает рис. 3, почти две трети вложений (62,9%) пришлись на энергетику; второе и третье места заняли металлургия (10,6%) и сельское хозяйство (9,6%), а на технологии и транспорт приходилось лишь 1,4 и 0,9%. Такая структура отражает ресурсно-ориентированную логику этапа и доминирование государственных инвесторов.

Крупнейшие сделки этапа представлены в таблице 4. Открыли его две сделки 2006 г.: CNPC приобрела 0,5% акций «Роснефти» за 500 млн долл. в ходе

IPO, получив в обмен доступ к разработке Ванкорского месторождения через СП «Восток Энерджи» (49%), а Sinopec за 3,5 млрд долл. купила 96,86% «Удмуртнефти», впервые войдя в добычу на территории России, и затем передала 51% «Роснефти»[6].

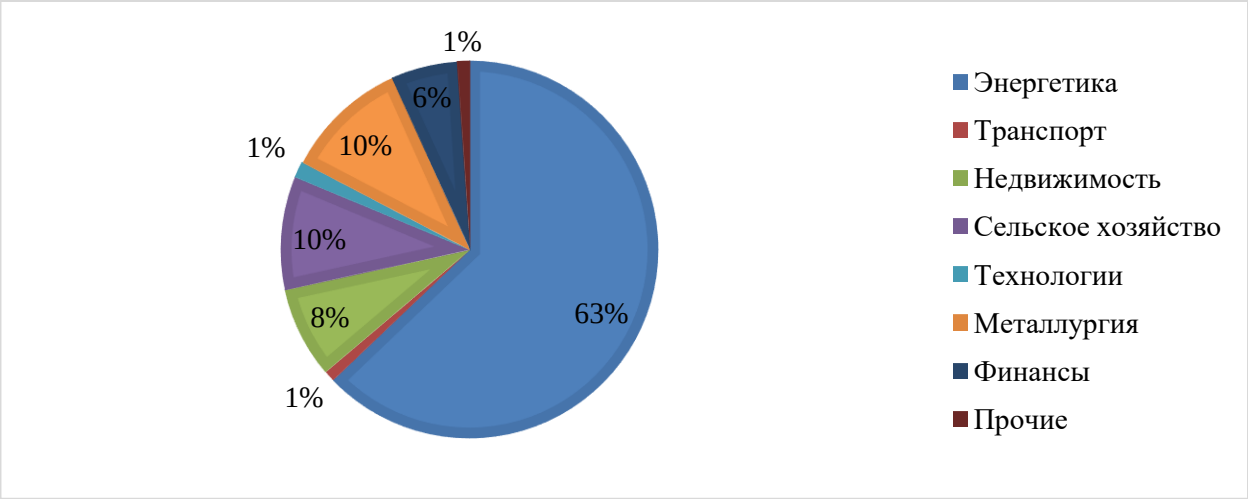


Рис. 3. Структура китайских ПИИ в России по отраслям в 2006-2014 гг., %
Источник: составлено и рассчитано автором по данным The China Global Investment Tracker / American Enterprise Institute [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/

Так сложилась модель «верхний сегмент в обмен на нижний»: Китай получал доступ к добыче, а российская сторона – к переработке в Китае (НПЗ в Тяньцзине мощностью 10 млн т).

Таблица 4.

Ключевые китайские инвестиционные проекты в России в 2006–2014 гг.

Год	Проект	Объём инвестиций	Состояние на 2026 г.
2006	Приобретение CNPC 0,5% акций ПАО «Роснефть»	0,5 млрд долл.	Сделка завершена
2006	Приобретение Sinopec 96,86% акций ОАО «Удмуртнефть»	3,5 млрд долл.	Актив в эксплуатации
2006	МФК «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге (консорциум во главе с SIIC)	более 1,5 млрд долл.	Финальная стадия реализации
2009	«Нефть в обмен на кредиты» (CNPC, Госбанк развития Китая – «Роснефть», «Транснефть»)	кредиты на 25 млрд долл.	Поставки нефти по графику 2011–2030 гг.
2010	ТЭС 450 МВт в Ярославской области (Huadian, ГК «Синтез»)	около 0,68 млрд долл.	Введена в эксплуатацию

[6] «Удмуртнефть» стала первым примером успешного международного сотрудничества России и Китая в сфере нефтедобычи / Новости компании // ПАО «НК «Роснефть»: официальный сайт. – 2022. – 03 февр. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rosneft.ru/press/news/item/209317/

Год	Проект	Объём инвестиций	Состояние на 2026 г.
2012	Приобретение РКИФ 42% акций «Russian Forest Products»	около 0,2 млрд долл.	Сделка завершена
2013	Зашуланское угольное месторождение (En+ Group и Shenhua)	0,46 млрд долл.	Реализуется, выход на мощность в 2026–2027 гг.
2014	Газопровод «Сила Сибири», контракт CNPC и «Газпрома» на 30 лет	около 400 млрд долл.	38 млрд м³ в год с 2024 г.; меморандум 2025 г. об увеличении до 44 млрд м³

Источник: составлено автором

В 2009 г. Госбанк развития Китая предоставил «Роснефти» и «Транснефти» кредиты на 15 и 10 млрд долл. под поставки 15 млн т нефти в год в 2011-2030 гг. – модель «нефть в обмен на кредиты», позволившая за два месяца решить вопрос об ответвлении трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) на Китай, откладывавшийся более десяти лет. Диверсификация в энергетике проявилась в строительстве Huadian ТЭС мощностью 450 МВт в Ярославской области (около 680 млн долл.) и в освоении Зашуланского угольного месторождения совместно с Shenhua, а завершил этап договор 2014 г. о поставках газа по «восточному маршруту».

Таблица 4 показывает, что все восемь ключевых проектов этапа реализованы государственными компаниями, банками и фондами, а шесть из них относятся к энергетике и добыче ресурсов. Наиболее устойчивыми оказались проекты с межправительственным оформлением («Сила Сибири», «нефть в обмен на кредиты»), тогда как часть инициатив вне энергетики (Хорский целлюлозный завод, гидроэнергетика в Восточной Сибири, трансграничная передача электроэнергии) остановилась на предпроектной стадии. Этап характеризовался безусловным доминированием первой колеи.

Второй этап (2015-2021 гг.) – расширение и диверсификация китайских ПИИ. Западные санкции после 2014 г., курс России на импортозамещение и «поворот на Восток», сопряжение «Пояса, пути» и ЕАЭС открыли для китайского капитала новые ниши: в 2015 г. поток китайских ПИИ в Россию достиг 2,96 млрд долл. За 2015-2021 гг. было реализовано более 20 крупных проектов общим объёмом около 13,1 млрд долл. В отраслевой структуре ПИИ произошел рост доли энергетики до 72% и одновременно появились значимые вложения в транспорт (9,1%) и технологии (4,4%), а также химическую и логистическую отрасли, отсутствовавшие на первом этапе.

Сравнение этапов (табл. 5) показывает, что абсолютный объём энергетических вложений снизился с 13,3 до 9,42 млрд долл. из-за завершения

мегапроектов первого этапа и низких цен на нефть, однако их доля выросла на 9,1 п.п. Металлургия сократилась с 2,25 до 0,2 млрд долл., недвижимость – с 1,65 до 0,31 млрд долл., тогда как транспорт вырос с 0,2 до 1,19 млрд долл., технологии – с 0,3 до 0,58 млрд долл. На три ведущие отрасли первого этапа приходилось 83,1% вложений, что свидетельствует о постепенной диверсификации.

Таблица 5.

Отраслевая структура китайских прямых инвестиций в России на первом и втором этапах

Отрасль	**2006-2014 гг., млрд долл.**	**Доля, %**	**2015-2021 гг., млрд долл.**	**Доля, %**
Энергетика	13,30	62,9	9,42	72,0
Металлургия	2,25	10,6	0,20	1,5
Сельское хозяйство	2,04	9,6	0,54	4,1
Недвижимость	1,65	7,8	0,31	2,4
Финансы	1,20	5,7	0,34	2,6
Технологии	0,30	1,4	0,58	4,4
Транспорт	0,20	0,9	1,19	9,1
Химия	–	–	0,36	2,8
Логистика	–	–	0,15	1,1
Прочие	0,22	1,0	–	–
Итого	**21,16**	**100,0**	**13,09**	**100,0**

Источник: составлено и рассчитано автором по данным The China Global Investment Tracker / American Enterprise Institute [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/

Качественно новым явлением второго этапа стали сделки частных компаний с созданием полного производственного цикла в России (табл. 6). Great Wall Motor, вопреки уходу других иностранных автопроизводителей после девальвации рубля, вложила около 510 млн долл. в завод Haval в Тульской области мощностью 150 тыс. автомобилей в год (запущен в 2019 г.), а в 2020 г. первой из китайских автокомпаний заключила СПИК с Минпромторгом на 542 млн долл. для локализации двигателей и трансмиссий[7]. Haier в 2019 г. начала создание индустриального парка площадью 127 га в Татарстане с ожидаемым объёмом инвестиций около 1 млрд долл. и заняла лидирующие позиции на российском рынке бытовой техники[8]. В цифровой сфере было создано СП

[7] GWM Signs SPIC with Russia to Accelerate Globalization [Электронный ресурс] // Great Wall Motor / Official website. – 2020. – 5 Oct. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.gwm-global.com/news/1155972.html
[8] The founding of Haier industrial park in Russia [Электронный ресурс] // Haier Global : Official website. – 2018. – 29 May. – Режим доступа: https://www.haier.com/global/press-events/news/20180529_142499.shtml

«AliExpress Россия» с оценкой 2,47 млрд долл. (Alibaba, Mail.ru Group, «МегаФон», РФПИ)[9], а Sinopec приобрела 10% «СИБУРа».

Судьба проектов второго этапа различна: проекты с глубокой локализацией и правовыми гарантиями (Haval по СПИК, парк Haier) продолжают расширяться, тогда как «AliExpress Россия» после 2022 г. под давлением санкционных рисков сократила более 50% персонала и отказалась от планов конкуренции с Wildberries и Ozon.

Таблица 6.

Ключевые китайские инвестиционные проекты в России в 2015-2021 гг.

Год	Проект	Объём инвестиций	Состояние на 2026 г.
2015	Завод Great Wall Motor (Haval) в Тульской области	около 510 млн долл.	Работает с 2019 г., 150 тыс. автомобилей в год
2015	Приобретение Sinopec 10% акций ПАО «СИБУР Холдинг»	не раскрыт	Пакет сохраняется
2015–2016	Аренда сельскохозяйственных земель на Дальнем Востоке (COFCO, компании Хэйлунцзяна)	данные не агрегированы	Выращивание сои и кукурузы с экспортом в КНР
2018–2019	СП «AliExpress Россия» (Alibaba, Mail.ru Group, «МегаФон», РФПИ)	оценка СП около 2,47 млрд долл.	После 2022 г. реструктуризация, переход к трансграничной торговле
2019	Индустриальный парк Haier в Республике Татарстан	около 340 млн долл. (план)	Функционирует
2020	СПИК Great Wall Motor с Минпромторгом России (вторая очередь)	около 542 млн долл.	Завод двигателей введён в 2024 г.

Источник: составлено автором

Параллельно формировалась финансовая инфраструктура: доля юаня в резервах России выросла с 2,8% в начале 2018 г. до 17,1% в начале 2022 г.[10], т.е. в 6 раз, а доля национальных валют во взаимных расчётах – с 3,1% в 2014 г. до более чем 90% в 2023 г. Вместе с тем отрицательные потоки 2019 и 2021 гг. обнажили уязвимость второй колеи перед институциональными рисками.

Третий этап (с 2022 г.) – структурная трансформация в условиях усиления санкционного давления. Двусторонняя торговля выросла со 147 млрд долл. в

[9] РФПИ, Alibaba и Mail.ru создали Aliexpress Russia // Commercial Real Estate (CRE) / Информационный портал. – 2019. – 6 июня. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cre.ru/news/76365

[10] Обзор деятельности Банка России по управлению активами в иностранных валютах и золоте: Выпуск № 1 (61) / Центральный банк Российской Федерации. – Москва: ЦБ РФ, 2022. – 25 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/39684/2022-01_res.pdf

2021 г. до рекордных 244,8 млрд долл. в 2024 г.[11], однако спрос на китайские автомобили, электронику и оборудование удовлетворялся преимущественно экспортом, а не локализованным производством: в 2022 г. база данных AEI не зафиксировала ни одной крупной китайской инвестиционной сделки в России. Крупные частные компании заняли выжидательную позицию, а на первый план вышли МСП: число компаний с китайским участием выросло примерно до 13 тыс., а доля китайских фирм среди вновь регистрируемых иностранных компаний – с 13% в 2021 г. до 34% в 2024 г.

Ключевые проекты этапа (табл. 7) отличаются от сделок прошлых лет: вместо производственных гринфилд-проектов преобладают вложения в «каналы» взаимодействия. В ноябре 2022 г. был запущен железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян (вложения китайской стороны около 2,64 млрд юаней), более 20 российских банков подключились к CIPS, подписано соглашение о поставках 10 млрд м³ газа по «Дальневосточному маршруту». Единственный заметный промышленный проект – завод БПЛА компании Xuzhou Jitian – носит зондирующий характер. Первая колея, таким образом, расширилась, а вторая трансформировалась в гибкие и менее заметные для санкционных механизмов формы инвестирования МСП.

Таблица 7.

Ключевые китайские инвестиционные проекты в России с 2022 г.

Год	Сфера	Проект	Инвестор	Состояние на 2026 г
2022	Логистика	Железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян	China Railway и др.	Запущен в ноябре 2022 г.
2022–2024	Финансы	Инфраструктура расчётов в юанях и рублях	Народный банк Китая, Газпромбанк и др.	Доля нацвалют более 90%, сопряжение CIPS и СПФС
2023	Энергетика	«Дальневосточный маршрут» поставок газа	CNPC	Соглашение на 10 млрд м³ газа
2024	Высокие технологии	Завод по производству БПЛА	Xuzhou Jitian Intelligent Equipment	Точечный вход в сектор двойного назначения
2024–2025	МСП	Массовая регистрация малых и средних предприятий	более 13 тыс. компаний	Рост числа компаний на 32%

Источник: составлено автором

[11] Товарооборот РФ и Китая в 2024 году достиг рекордных $244,8 млрд // БКС Экспресс – 2025. – 13 янв. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/tovarooborot-rf-i-kitaia-v-2024-dostig-rekordnykh-244-8-mlrd

Обобщение трёх этапов (табл. 8) показывает, что смена этапов была обусловлена не рыночной конъюнктурой, а геополитическими шоками 2014 и 2022 гг. На каждом этапе последовательно менялись ведущие формы инвестирования (от долей в действующих активах к полному производственному циклу и затем к точечным вложениям в инфраструктуру), состав инвесторов (от госкорпораций к крупным частным компаниям и МСП) и соотношение колей. Китайские инвесторы не рассматривают Россию как единый рынок капитала: они адаптируют стратегии к санкционной обстановке, институциональной среде регионов и отраслевым условиям.

Таблица 8.

Характеристика этапов китайских прямых инвестиций в России

Признак	I этап (2006–2014 гг.)	II этап (2015–2021 гг.)	III этап (с 2022 г.)
Ключевые факторы	Углубление стратегического партнёрства, стратегия «Идти вовне»	Санкции 2014 г., импортозамещение, «поворот на Восток», сопряжение «Пояса, пути» и ЕАЭС	Санкции 2022 г., угроза вторичных санкций, уход западных компаний
Ведущие отрасли	Энергетика (62,9%), металлургия, сельское хозяйство	Энергетика (72%), транспорт, технологии	Энергетика, логистика, платёжная инфраструктура; МСП
Крупнейшие сделки	«Удмуртнефть», «нефть в обмен на кредиты», «Сила Сибири»	Haval, парк Haier, «AliExpress Россия», доля в «СИБУРе»	Мост Нижнеленинское – Тунцзян, «Дальневосточный маршрут»
Основные инвесторы	Госкорпорации и госбанки	Госкорпорации и крупные частные компании	Госкорпорации и МСП
Соотношение колей	Доминирование первой колеи	Рост второй колеи при ведущей роли первой	Расширение первой колеи, трансформация второй

Источник: составлено автором

4. Выявлен кумулятивный характер ограничений для китайских прямых инвестиций в России: санкционные, институциональные, регуляторные и технологические барьеры образуют взаимосвязанную систему, элементы которой усиливают друг друга; показано, что угроза вторичных санкций действует через финансовый, технологический и производственный каналы и проявляется ещё до принятия соответствующих законов.

Ограничения для китайских инвесторов в России образуют три контура – внешние геополитические риски, внутренние институциональные барьеры и технологические разрывы (табл. 9). Таблица показывает, что каждый контур

включает несколько механизмов, причём механизмы разных контуров взаимно усиливают друг друга.

Финансовый канал. Указ № 14114 (декабрь 2023 г.) уполномочил OFAC вводить вторичные санкции против иностранных финансовых учреждений, «оказывающих существенное содействие» военно-промышленной базе России[12]. В ответ китайские банки перешли к жёсткому самоограничению: во II квартале 2024 г. активы ICBC в России сократились на 27% (до 462,4 млрд руб.), Bank of China – на 37% (до 355,9 млрд руб.); новое проектное финансирование энергетики, тяжёлого машиностроения и инфраструктуры было прекращено, а кредитование сведено к торговому финансированию сроком до 180 дней.

Таблица 9.

Система ограничений для китайских прямых инвестиций в России

Группа ограничений	Содержание
Геополитические риски и вторичные санкции	Самоограничение китайских банков и «эффект сдерживания»; технологическая блокада через экспортный контроль США; сдерживающий эффект законодательных инициатив; разрыв цепочек поставок и «парадокс локализации»
Российская бизнес-среда и регулирование	Разрыв между нормами закона и административной практикой («лабиринт правил»); отраслевые запреты и лимиты иностранного участия; доминирование государственного капитала и неравные переговорные позиции
Технологический отрыв	Ужесточение сертификации и расхождение стандартов ГОСТ и ISO; разрыв в передаче знаний и отключение «цифрового сервисного слоя»

Источник: составлено автором

В августе 2024 г. до 98% китайских банков отказывались принимать прямые рублёвые платежи. Обходные схемы через посредников в третьих странах повышают стоимость платежей до 5-6% суммы, открытие счетов в приграничных банках занимает около двух месяцев, а схемы с продажей золота в Гонконге с июня 2024 г. сами попали под санкции. В результате многие средние проекты оказываются нежизнеспособными уже на стадии оценки.

Технологический канал. Правило прямого иностранного продукта (FDPR) и правило минимального содержания (de minimis) привязывают юрисдикцию США не к месту производства, а к источнику технологии: продукт, содержащий американские технологии или компоненты сверх порога, требует лицензии BIS, вероятность получения которой для поставок в Россию близка к нулю. Наиболее показателен пример широкофюзеляжного самолёта CR929:

[12] U.S. Department of the Treasury, Office of Foreign Assets Control (OFAC). "FAQ 1147 – How does Executive Order (E.O.) 14114 amend E.O. 14024?" Updated June 12, 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ofac.treasury.gov/faqs/1147

вспомогательная силовая установка (Honeywell), авионика (Collins Aerospace) и композиты зависели от американских технологий, в 2023 г. Россия вышла из проекта, продолженного COMAC как C929. По тем же причинам Huawei с 2023 г. прекратила прямые поставки смартфонов и закрыла магазины, а Alibaba Cloud заморозила планы по созданию дата-центров. Китайское высокотехнологичное присутствие вытесняется в средние и нижние звенья цепочки создания стоимости.

Эффект ожидаемого сдерживания. Санкционный риск исходит и из ещё не принятых законов. Законопроект S.1241 «О санкциях против России» 2025 г., поддержанный более чем 80 сенаторами, предусматривает санкции за «значительные новые инвестиции» в российский нефтегазовый сектор и пошлины не менее 500% для стран – импортёров российских энергоносителей[13]. Компания Wison New Energies, изготовившая для «Арктик СПГ 2» модули общим весом около 150 тыс. т, в июне 2024 г. объявила о бессрочном уходе с российского рынка, опасаясь, что банковские гарантии по контракту будут квалифицированы как финансовые услуги. В январе 2025 г. её верфь в Чжоушане всё же попала в санкционный список США[14], после чего была продана государственной структуре и переименована. Китайские компании, таким образом, закладывают в решения наихудший законодательный сценарий и отказываются от проектов на стадии замысла.

Производственный канал и «парадокс локализации». Вынужденный отказ от западных комплектующих повышает издержки и снижает технологический уровень производства. Заводу Haval, совокупные инвестиции в который к 2025 г. достигли 64,2 млрд руб., пришлось искать альтернативные каналы поставок электроники и проходить повторную сертификацию китайских аналогов (ОТТС, ЕАЭС)[15]. На заводе стиральных машин Haier в Набережных Челнах переход на местных поставщиков пластиковых корпусов и металлических кронштейнов привёл к росту стоимости пресс-форм и комплектующих, которая для ряда моделей приблизилась к стоимости импорта

[13] U.S. Congress. "S.1241 – Sanctioning Russia Act of 2025." 119th Congress, introduced April 1, 2025. Cosponsors: 84 (42 Democrats, 41 Republicans, 1 Independent). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1241/cosponsors

[14] U.S. Department of the Treasury, Office of Foreign Assets Control (OFAC). "Sanctions List Search: Zhoushan Wison Offshore and Marine Co Ltd." January 10, 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sanctionssearch.ofac.treas.gov/

[15] Завод китайской компании Great Wall Motor в России сдан в эксплуатацию [Электронный ресурс] // Синьхуа (russian.people.com.cn). – 2019. – 7 июня. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/n3/2019/0607/c31518-9585627.html

из Китая до санкций или превысила её[16]: чем глубже локализация, тем ниже её экономическая эффективность.

Регуляторные ограничения. Ключевым актом, ограничивающим допуск иностранного капитала, является Федеральный закон № 57-ФЗ о стратегических хозяйственных обществах [17] . Предварительное разрешение Правкомиссии требуется при приобретении контроля над более чем 25% голосующих акций стратегического общества, для иностранных государств и контролируемых ими компаний порог снижается до 5%, а в добыче золота, меди, лития и других стратегических полезных ископаемых иностранным госкомпаниям запрещено приобретать более 25% акций[18]. Для китайских инвесторов, значительная часть которых – государственные компании, это означает фактическую невозможность контроля над стратегическими активами без специальных решений. Помимо 57-ФЗ, отраслевое законодательство полностью закрывает для иностранцев ряд сфер и устанавливает лимиты участия в других (табл. 10)[19].

Таблица 10.

Отраслевые запреты и ограничения для иностранных инвесторов в России

Режим	Сферы и ограничения
Полный запрет	Игорный бизнес; страхование жизни, имущества опасных производственных объектов и госорганов; железнодорожные перевозки и сопутствующие услуги; строительство и эксплуатация магистральных нефте- и газопроводов и электросетей; эксплуатация автомобильных дорог
Лимит иностранного участия	Банки и страхование – не более 50% в совокупном капитале отрасли; СМИ – не более 20%; воздушный транспорт – не более 49%; рыболовство – разрешение при доле более 50% (предлагается 25%); обработка данных товарных рынков – не более 20% (с марта 2026 г.)
Разрешительный порядок (57-ФЗ)	Около 46–47 стратегических видов деятельности; разрешение при доле более 25% (для иностранных госкомпаний – более 5%); запрет на более 25% в добыче золота, меди, лития
Территориальные ограничения	Ограничения экономической деятельности иностранцев в ЗАТО

[16] Глава корпорации Haier Чжан Жуйминь прибыл с визитом в Татарстан [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – 2019. – 30 авг. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/n3/2019/0830/c31519-9610907.html

[17] Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Статья 7 (порядок подачи ходатайства), статья 8 (сроки рассмотрения – не более 6 месяцев). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27257

[18] Подписан закон, направленный на усиление контроля за иностранными инвестициями в организации, имеющие стратегическое значение [Электронный ресурс] // Consultant.ru. – 2026. – 3 авг. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87386.html

[19] Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс], 2025. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/

Источник: составлено автором по данным Официального интернет-портала правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/

Из таблицы следует, что запреты и лимиты сосредоточены именно в тех отраслях – инфраструктуре, транспорте, энергетике и добыче ресурсов, – которые Китай относит к поощряемым направлениям зарубежных инвестиций. При этом регулирование развивается разнонаправленно: наряду с расширением стимулов (СПИК, международные ТОР) ужесточается контроль. Федеральный закон № 51-ФЗ от 8 марта 2026 г. расширил перечень стратегических видов деятельности (добыча отдельных полезных ископаемых, аквакультура, сделки с государственным имуществом) и ввёл обязанность уведомления при приобретении более 5% акций, а рыбохозяйственные общества обязаны в течение года получить повторное согласование либо снизить долю ниже 50%.

Административная практика. Наряду с нормами важна практика их применения: критерии и сроки согласования по 57-ФЗ остаются неопределёнными, а заседания Правкомиссии нерегулярны. Приобретение China National Gold 70% Ключевского золоторудного месторождения (запасы более 50 т) потребовало переговоров с 2016 г. и стало возможным лишь после заключения межправительственного соглашения, ратифицированного в 2018 г. и создавшего изъятие из закона. **Неравные переговорные позиции** проявляются в отраслях, контролируемых госхолдингами: в СП Sinopec и СИБУРа по производству каучука китайская сторона владела 74,9% Шанхайского СП, но ключевые технологии предоставлялись по лицензии, а сырьё контролировал российский партнёр[20]; по «Силе Сибири – 2» стороны годами не могли сблизить позиции (120–130 против 265–285 долл. за тыс. м³)[21].

Технологический отрыв. В 2025 г. были приостановлены сертификаты ОТТС на ряд моделей Dongfeng, Foton, FAW и Sinotruk[22]; только у Dongfeng более 3,6 тыс. тягачей стоимостью около 2 млрд юаней не могли быть реализованы. Ужесточение сертификации связано с расхождением стандартов ГОСТ и ISO (например, нижний температурный предел −50 °C по ГОСТ 15150-

[20] SIBUR International GmbH. "SIBUR and Sinopec Sign Cooperation Agreement." June 5, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sibur-int.com/

[21] Putin-Xi talks revive stalled Russian gas pipeline as Iran war rattles energy markets [Электронный ресурс] // CNBC. – 2026. – 20 May. – Режим доступа: https://www.cnbc.com/2026/05/20/putin-xi-gas-pipeline-power-of-siberia-iran-war-.html

[22] Выпуск на авторынок РФ ряда китайских грузовиков Dongfeng, Foton, FAW и Sitrak приостановлен [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2025. – 30 июля. – РЕЖИМ ДОСТУПА: https://www.interfax.ru/russia/1038738

69 против −40 °C по ISO 16750-4) [23], что вынуждает производителей поддерживать две системы проектирования и сертификации. Санкции привели и к разрыву в передаче знаний: интеллектуальные функции техники Zoomlion и SANY, зависевшие от программного обеспечения Cummins и Bosch, были заблокированы. Примеры проектов, столкнувшихся с барьерами, приведены в таблице 11. Данные таблицы 11 показывают, что из девяти проектов шесть пострадали от внешних санкционных механизмов, а три – от российских институциональных и технологических барьеров; реализовать удалось главным образом проекты, получившие межправительственную поддержку или специальные правовые гарантии.

Таблица 11.

Китайские проекты в России, столкнувшиеся с барьерами и санкционными рисками

Проект	Барьер	Результат (на 2026 г.)
Проектное финансирование ICBC и Bank of China (2024–2026 гг.)	Вторичные санкции, самоограничение банков	Активы сократились на 27 и 37%, финансирование чувствительных секторов прекращено
Самолёт CR929 (2014–2023 гг.)	Экспортный контроль США (FDPR)	Россия вышла из проекта, Китай продолжает его как C929
Модули для «Арктик СПГ 2», Wison New Energies (2019–2024 гг.)	Ожидаемое сдерживание	Уход из России, санкции против верфи, продажа активов
Huawei, Alibaba Cloud (2022–2023 гг.)	Технологическая блокада	Прекращение прямых поставок, заморозка дата-центров
Завод Haval, Great Wall Motor (с 2019 г.)	Разрыв цепочек поставок	Дорогостоящее замещение компонентов, план локализации более 80% к 2026 г.
Завод Haier в Набережных Челнах (с 2019 г.)	«Парадокс локализации»	Стоимость локальных компонентов на уровне импорта и выше
Ключевское месторождение, China National Gold (2016–2018 гг.)	«Лабиринт правил», 57-ФЗ	Сделка завершена через межправительственное соглашение
СП Sinopec и СИБУРа (с 2012 г.)	Неравные переговорные позиции	СП работают, доступа к ключевым технологиям нет
Dongfeng, Foton, FAW, Sinotruk (2025 г.)	Ужесточение сертификации	Приостановка ОТТС, нереализованные партии техники

Источник: составлено автором

Взаимное наложение ограничений и составляет их кумулятивный эффект: угроза вторичных санкций ужесточает кредитование, недостаток

[23] GOST标准与国际标准（如ISO、IEC） [Электронный ресурс] // EAC认证集团. – 2025. – 22 дек. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cu-tr.com.cn/page8?article_id=9735&_l=zh_CN

финансирования затрудняет локализацию, а вынужденная локализация порождает проблемы сертификации и новые разрывы цепочек поставок. При сохранении этих барьеров китайские инвестиции рискуют остаться в рамках модели «ресурсы в обмен на кредиты».

5. Систематизирована и оценена российская система правовых и политических стимулов для китайских инвесторов на макро-, мезо- и микроуровнях; обосновано, что её основная ценность состоит не в налоговых льготах, а в юридическом закреплении обязательств государства и снижении неопределённости для инвестора; установлено, что система снижает внутренние институциональные риски, но не защищает от экстерриториальных санкций.

Договорно-правовая база сотрудничества формировалась почти тридцать лет (табл. 12). Из таблицы видно, что наиболее проработаны соглашения в атомной энергетике и нефтяной сфере, тогда как Программа сотрудничества на Дальнем Востоке носит программный характер без обязательной силы, а для сельского хозяйства, цифровой экономики и «зелёных» инвестиций специальные соглашения отсутствуют. Между подписанием документов возникали разрывы в 5-13 лет, а механизм их обновления не предусмотрен.

Таблица 12.

Основные соглашения, регламентирующие китайские инвестиции в России

Соглашение	Год	Содержание
О сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии	1996	Строительство АЭС, ядерный топливный цикл, научные исследования, подготовка кадров
О сотрудничестве в нефтяной сфере («нефть в обмен на кредиты»)	2009	Кредиты на 25 млрд долл. в обмен на поставки 15 млн т нефти в год в 2011–2030 гг.
Об избежании двойного налогообложения	2014	Ставки у источника: 5–10% на дивиденды, 0% на проценты, 6% на роялти
Программа сотрудничества на Дальнем Востоке на 2018–2024 гг.	2018	Семь приоритетных направлений; программный характер
О расчётах в национальных валютах	2019	Снижение зависимости от доллара США и валютных рисков
О поощрении и взаимной защите капиталовложений (новая редакция)	2025	20 статей: национальный режим, режим наибольшего благоприятствования, защита от экспроприации; в силе с 01.12.2025

Источник: составлено автором

На **макроуровне** ключевую роль играет новая редакция Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений, подписанная 8 мая 2025 г. и

вступившая в силу 1 декабря 2025 г.[24]: она заменила соглашение 2006 г., механизм разрешения споров которого оказался уязвим после 2022 г. Реализацию договорённостей координирует Межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству.

На **мезоуровне** ключевым инструментом стал СПИК, гарантирующий неизменность налоговых и регуляторных условий на срок до 15 лет (для проектов свыше 50 млрд руб. – до 20 лет) в обмен на обязательства по локализации и трансферу технологий. Для обрабатывающих производств, где после строительства завода переговорная сила смещается к принимающему государству, СПИК переводит обещания правительства в юридически обязывающий договор. С 1 января 2026 г. действует закон о международных ТОР на Дальнем Востоке: нулевая ставка налога на прибыль в течение 10 лет, режим свободной таможенной зоны, привлечение иностранной рабочей силы без квот, минимальный объём инвестиций 500 млн руб.[25] В режимах ТОР и Свободного порта Владивосток уже реализуется более 100 проектов с китайским капиталом (около 1,2 трлн руб. привлечённых инвестиций, 854 млрд руб. освоено)[26].

На **микроуровне** формируются инструменты операционной поддержки: схемы финансирования и расчётов в национальных валютах с участием Госбанка развития Китая, Эксимбанка Китая и ВЭБ.РФ; Российско-китайский инвестиционный фонд, вложивший за десять лет 1,3 млрд долл. в более чем 40 проектов и привлёкший 7,9 млрд долл. софинансирования[27]; упрощение таможенных процедур, развитие логистических коридоров и Северного морского пути; освобождение от квот на иностранных работников; дипломатическое сопровождение проектов.

Структура системы преференций обобщена в таблице 13. Её анализ показывает, что каждый уровень снимает определённый тип риска: макроуровень – риск экспроприации и политической неопределённости, мезоуровень – риск изменения условий после вложения капитала, микроуровень – операционные и транзакционные издержки.

---

[24] 新版中俄双边投资协定今日正式生效 [Электронный ресурс] // 凤凰网（来源：中新社）. – 2025. – 1 дек. – Режим доступа: https://news.ifeng.com/c/8ojVgfqCDGW

[25] 新华社 / Синьхуа. «Глава Минвостокразвития: международные территории опережающего развития обеспечат широкий спектр преференций для иностранных инвесторов.» 5 января 2026 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.news.cn/20260105/2fab953e62a045a0ab4e5eb35f904783/c.html

[26] 专访丨俄国际超前发展区欢迎中国投资者—访俄远东和北极发展部长切昆科夫 [Электронный ресурс] // chinanews.com (新华社). – 2026. – 1 янв. – Режим доступа: https://www.chinanews.com/gj/2026/01-01/10544636.shtml

[27] Russia-China investment fund has financed over 40 projects totaling $1.3 bln* [Электронный ресурс] // TASS. – 2025. – 25 Nov. – Режим доступа: https://tass.com/economy/2048269

Наибольшую ценность для китайских инвесторов представляют не налоговые льготы, а юридическое закрепление обязательств государства. Вместе с тем сохраняется разрыв между договорённостями на межгосударственном уровне и их исполнением на местах, а сама система нейтрализует прежде всего внутренние институциональные риски и не может защитить инвестора от экстерриториальных санкций, что ограничивает её привлекательность для компаний, зависящих от американских технологий и долларовых расчётов.

Таблица 13.

Российская система преференций для китайских инвесторов

Уровень	Основные инструменты	Эффект для инвестора	Ограничения
Макро-уровень	Соглашение о защите капиталовложений, соглашение об избежании двойного налогообложения, Межправительственная комиссия	Гарантии от экспроприации, свободный перевод средств, поддержка приоритетных проектов	Программные документы без обязательной силы; пробелы в новых отраслях
Мезо-уровень	СПИК, ТОР, Свободный порт Владивосток, МТОР	Стабильность условий до 15–20 лет, налоговые льготы, освобождение от квот	Сложность контроля реальной локализации; ограниченный круг регионов
Микро-уровень	Расчёты в нацвалютах, РКИФ, таможенные «зелёные коридоры», кадровое и дипломатическое сопровождение	Снижение транзакционных издержек и операционных рисков	Осторожность китайских банков; ручное урегулирование проблем

Источник: составлено автором

6. Обоснован отраслево-селективный подход к оценке перспектив китайских ПИИ в России, предложены критерии отбора отраслей и выделены приоритетные направления инвестирования; показано, что наиболее устойчивой к санкциям формой сотрудничества является модель замкнутого производственного цикла, сложившаяся в атомной энергетике; разработаны рекомендации по её тиражированию.

Привлекательность российского рынка для китайского капитала сохраняется: уход западных компаний создал разрыв между спросом и предложением, который не может быть быстро восполнен российскими мощностями[28], а каналы расчётов в национальных валютах, логистические

[28] 俄专家：年底前中国对俄工业投资额将达到170-190亿美元 [Электронный ресурс] // Sputnik. – 2026. – 8 июля. – Режим доступа: https://cdn.sputniknews.cn/20260708/1072233228.html

коридоры, СПИК и МТОР позволяют реализовывать проекты в относительно предсказуемых условиях. По нашему мнению, в ближайшие три-пять лет объём китайских прямых инвестиций в Россию существенно не сократится, но они будут концентрироваться в немногих отраслях и компаниях, способных к глубокой локализации. Для разграничения отраслей предложены три критерия: зависимость от американских технологий и долларовых расчётов, уход западных конкурентов и дефицит российских мощностей (табл. 14).

Таблица 14.

Отраслевая дифференциация перспектив китайских ПИИ в России

Группа отраслей	Характеристика	Перспективы для китайских ПИИ
Высокорисковые: электроника, телекоммуникации, облачные сервисы, авиастроение	Высокая зависимость от технологий США и долларовых расчётов	Риски вторичных санкций превышают выгоды
«Окно возможностей»: тяжёлое, горное и сельскохозяйственное машиностроение, оборудование для атомной и нефтегазовой отраслей	Слабая связь с технологической системой США, уход западных конкурентов, дефицит локальных мощностей	Наиболее перспективны для глубокой локализации и долгосрочных инвестиций
Стратегическое партнёрство: атомная энергетика	Сформирована замкнутая технологическая цепочка двух стран	Образец санкционно устойчивой модели

Источник: составлено автором

Согласно таблице 14, наибольший потенциал имеют отрасли «окна возможностей», где совпадают уход западных конкурентов и слабая зависимость от американских технологий; компании, первыми развернувшие там производство, займут позиции, которые трудно будет оспорить пришедшим позже. Образцом служит атомная энергетика, где стороны выстроили полную цепочку – от поставок обогащённого урана (в 2025 г. на Россию пришлось 95% китайского импорта, или 1,19 млрд долл.) и сооружения энергоблоков ВВЭР-1200 на Тяньваньской АЭС и АЭС «Сюйдабао» до сотрудничества по реакторам на быстрых нейтронах (CFR-600, МБИР) и совместного освоения рынков третьих стран: в Казахстане «Росатом» сооружает первую АЭС, а CNNC возглавит строительство второй и третьей[29]. С 2016 г. компании двух стран выступают операторами более 90% строящихся в мире АЭС.

На основе проведённого анализа разработаны рекомендации по укреплению китайского инвестиционного присутствия в России:

[29] Россия и Казахстан подписали соглашение о строительстве АЭС [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı (aa.com.tr). – 2026. – 29 мая. – Режим доступа: https://m.aa.com.tr/ru/мир/россия-и-казахстан-подписали-соглашение-о-строительстве-аэс/3951363

– использовать СПИК и режимы ТОР и МТОР как обязательное условие для производственных проектов сверх определённого порога и включать в инвестиционные соглашения положения об освобождении от квот на привлечение китайских специалистов;

– тиражировать модель замкнутого производственного цикла в сельскохозяйственном, горном и нефтегазовом машиностроении, переходя от экспорта продукции к схеме «совместные НИОКР – локальная комплектация – взаимное признание стандартов»;

– перестроить разделение функций между колеями: государственный капитал должен обеспечивать общественные блага (логистические коридоры, механизмы ценообразования на энергоносители), частный – технологически встроенные и сервисно-ориентированные инвестиции, а передаточным механизмом должно стать «пакетное кредитование производственных цепочек» банками развития;

– рассматривать участие в разработке новых российских ГОСТов и единых стандартов ЕАЭС как самостоятельную стратегическую цель инвестиций;

– создать специализированный фонд «стратегического долгосрочного капитала» с участием Фонда Шёлкового пути, Госбанка развития Китая и промышленных групп с горизонтом не менее 10 лет и без права досрочного выхода;

– сформировать единый контур «страхование – финансирование – расчёты», в рамках которого проекты из «белого списка» получают приоритетное страхование Sinosure (Китайская корпорация по страхованию экспортных кредитов) и специальный канал расчётов в национальных валютах.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации сформулированы основные выводы исследования, посвящённого особенностям и направлениям развития прямых иностранных инвестиций Китая в Россию. Проведённый анализ показал, что природа российско-китайского инвестиционного сотрудничества не может быть в полной мере объяснена классическими западными теориями ПИИ: китайские вложения в Россию с самого начала определялись не только стремлением к прибыли, но и государственными стратегическими интересами – обеспечением энергетической и ресурсной безопасности, развитием трансграничной инфраструктуры и укреплением геоэкономических позиций КНР.

Китайские инвестиции в Россию сформировали двухколейную структуру: устойчивые государственные стратегические вложения, закрепленные межправительственными соглашениями, сосуществуют с волатильными рыночными инвестициями частных компаний без взаимного влияния друг на друга. Именно поэтому накопленный объём китайских ПИИ в России с 2015 г. удерживается в диапазоне 10,6-15,8 млрд долл., а доля России в годовых потоках китайских ПИИ ни разу не превысила 2,22%. Развитие инвестиционного сотрудничества прошло три этапа, рубежами которых стали геополитические шоки 2014 и 2022 гг. На первом этапе ведущую роль играли сделки госкорпораций в энергетике, на втором – проекты частных компаний с полным производственным циклом, на третьем крупные гринфилд-проекты уступили место экспорту, вложениям в логистическую и платёжную инфраструктуру и активности малых и средних предприятий.

Санкционные, институциональные и технологические барьеры носят кумулятивный характер, а российская система преференций, снижая внутренние институциональные риски, не защищает инвесторов от внешних санкций.

Будущее китайских прямых инвестиций в Россию зависит от того, удастся ли России сократить разрыв между высоким уровнем политического взаимодействия и административной практикой на местах, а китайским компаниям – эффективнее использовать СПИК, ТОР и МТОР, сосредоточиться на отраслях «окна возможностей» и тиражировать модель замкнутого производственного цикла, апробированную в атомной энергетике. При выполнении этих условий российско-китайское инвестиционное сотрудничество сможет перейти от стратегического партнёрства, опирающегося на политическое доверие, к нормативному сотрудничеству, основанному на законах и контрактах, и от модели доступа к ресурсам – к производственной интеграции и технологической координации.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в изданиях, индексируемых в международной базе цитирования Scopus:

1. Liu Yuxi. Investment Opportunities of China in Russia Within the Framework of the “One Belt, One Road” Project and the Eurasian Economic Union / Lecture Notes in Intelligent Transportation and Infrastructure, 2026, Part F1434. p. 533-542.

Статьи в рецензируемых журналах Перечня ВАК РФ:

2. Соколан Д.С, Лю Юйси. Основные проблемы китайских прямых иностранных инвестиций в России и меры по их преодолению / Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2026. № 4 (160). С. 7-14.

3. Лю Юйси. Перспективные направления экономического сотрудничества России и Китая / Экономика и предпринимательство. 2025. № 12-1 (185). С. 71-77.

4. Лю Юйси. Новые возможности китайских инвестиций в российскую экономику: на примере инвестиций в автомобильную промышленность РФ / Финансовая экономика. 2025. № 6. С. 122-127.

Лю Юйси (Китайская народная республика)
«ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ В РОССИЮ: ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ»

Диссертация посвящена исследованию особенностей, этапов эволюции и перспектив прямых иностранных инвестиций Китая в Россию в условиях трансформации мировой экономики и санкционного давления. В работе уточнены теоретические основы анализа китайских зарубежных инвестиций и предложено авторское определение прямых инвестиций, сочетающее рыночную и государственно-стратегическую логику. Выявлена «двухколейная» структура китайских инвестиций в России, включающая устойчивые государственные стратегические и волатильные рыночные коммерческие инвестиции. Предложена периодизация китайских ПИИ в России (2006-2014 гг., 2015-2021 гг., с 2022 г.) и показано, что смена этапов обусловлена геополитическими шоками. Установлен кумулятивный характер санкционных, институциональных и технологических ограничений, оценена российская система преференций для китайских инвесторов на макро-, мезо- и микроуровнях. Обоснованы перспективные отрасли для китайских инвестиций и разработаны рекомендации по тиражированию модели замкнутого производственного цикла, сложившейся в атомной энергетике.

Liu Yuxi (People's Republic of China)
«CHINA’S FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN RUSSIA: CHARACTERISTICS AND DEVELOPMENT TRENDS»

The dissertation examines the characteristics, evolution and prospects of Chinese foreign direct investment in Russia amid the transformation of the global economy and sanctions pressure. The study refines the theoretical foundations for analysing China's outward investment and proposes the author's definition of direct investment that combines market and state-strategic logic. It identifies a "dual-track" structure of Chinese investment in Russia, consisting of stable state-led strategic investment and volatile market-driven commercial investment. The study proposes a periodization of Chinese FDI in Russia (2006-2014, 2015-2021 and since 2022) and shows that the transitions between stages were driven by geopolitical shocks. It establishes the cumulative nature of sanctions-related, institutional and technological constraints and evaluates Russia's system of incentives for Chinese investors at the macro, meso and micro levels. Promising sectors for Chinese investment are substantiated, and recommendations are developed for replicating the closed production cycle model established in the nuclear energy sector.